

ВЗЛЁТЫ НА ФОНЕ ТРАГЕДИЙ, трагедии на фоне взлётов

Валентина Иванова

• **блокадный Ленинград** • **блокадные курсы**
• **детский сад** • **дети войны**

В блокадном Ленинграде все дети, ходившие в детские сады, остались живы. В чём был секрет «блокадной» дошкольной педагогики?

Валентина Тарасовна Иванова (1920-2013) — истинный представитель ленинградской, петербургской школы дошкольного воспитания. Она стала воспитателем, попав в 1942 г. в детский сад прямо с исторического факультета. В блокадном Ленинграде не нужны были студенты, но воспитатели были необходимы. Эта временная военная мобилизация превратилась в жизненное призвание. Любовь к детям, неудержимое стремление к самосовершенствованию, к энциклопедическим знаниям, интерес к исследованиям остались с ней на всю жизнь, тесно связав с дошкольной наукой. Вместе с Н. М. Крыловой Валентина Тарасовна создала педагогическую технологию «Детский сад — Дом радости».

Ниже с небольшими сокращениями приводится её рассказ о блокадных детских садах и главных тайнах профессии воспитателя, который был записан журналистом А. Рушаковым в начале 2000-х годов и вошёл в книгу «О красоте профессии воспитателя, или Беседы обо всём на свете». Конечно, эти мысли нельзя воспринимать как установочные для современных педагогов. Военные условия требовали особого отношения ко всему... Но исторический опыт бесценен — если мы его не абсолютизируем, а переосмысливаем.

Группа детей из детского сада Октябрьского района на прогулке. Улица Дзержинского (ныне Гороховая улица). Июнь-август 1942 года. Фото Александра Бродского

1. Глаза блокадных детей и радость от озорства

КОГДА ВСЁ МОЖНО УВИДЕТЬ ПО-НОВОМУ...

Я попала в детский сад именно из-за блокады, и мне долгое время казалось, что это — временная работа, вызванная обстоятельствами. Хотя сложилось иначе...

Собиралась же я стать историком или учительницей истории. В нашей школе большинство учителей рассказывали о своих предметах так, словно в них всё давно и навсегда было решено. А вот историк читал с такими, например, уточнениями: «Но это ещё нужно как следует проверить. Мы нашли новые документы в архиве — и всё наше представление о событиях перевернулось вот так-то...»

Его убежденность, что не всё известно, что всё можно проверить и увидеть по-новому, увлекла меня и заставила поступить на исторический факультет.

И началась война. Институт эвакуировался. Но отец сказал: «В такое трудное время семья должна быть вместе, не уезжай с институтом». Так мы все остались. Отец вскоре погиб, не от голода, от бомбежки, а мы прожили в Ленинграде всю блокаду.

О первой блокадной зиме вспоминать страшно всем. В городе жизнь почти замерла. Мы с матерью вязали шарфы и какие-то безрукавки (на какой-то бывшей фабрике осталась шерсть, мы её вручную и использовали), относили к Московскому вокзалу — а потом сделанные нами вещи отправлялись на фронт. За это мы получали рабочую карточку. Так мы выжили тогда.

БЛОКАДНЫЕ КУРСЫ

А весной 42-го, после самой страшной зимы в Ленинграде стали открывать детские сады. Но сначала объявили курсы подготовки воспитателей. И я решила пойти: всё-таки я собиралась быть преподавателем, училась на историческом факультете, а здесь тоже что-то близкое. Хорошо, историей займусь

потом, когда закончится война, — а сейчас надо же где-то работать.

Курсы проводили очень серьёзно и отбирали туда строго, несколько недель читали большой ряд педагогических дисциплин. Потом заставили сдать экзамены и допустили в сады только того, кто сдал. Таким удивительно серьёзным по нынешним меркам было отношение к детским садам. А ведь только-только завершалась самая суровая блокадная зима.

Эти курсы оказались единственным моим официальным педагогическим образованием. Мы часто смеёмся, что такой уж необразованный я человек. Нет высшего, нет даже среднего специального. Какие-то курсы в войну...

БЛОКАДНЫЕ ДЕТИ

И вот я окончила курсы и начала работать. Я вспоминаю детей, которые приходили той весной.

Они пережили жуткие месяцы. Они были страшно истощённые и страшно заторможенные. И огромные глаза. Откроет глазищи, уставится и будет сидеть, не шевелясь. Ты к нему и так, и так, а он, если спросит, то только об одном: «А скоро есть будем?» С чем бы ты ни обращался.

Этим, во-первых, и отличались блокадные дети: абсолютное равнодушие к окружающему. Огромные глаза уставлены куда-то и полное молчание. И вот такое движение пальчиками, когда садимся за стол, — собирать все крошки. Он ест — но ещё всё время волнуется, что может больше не получить. Волнение, неуверенность. Он переспрашивает: а вдруг этого больше не случится?

И второе — кого-то не хватает рядом, и ребёнок всё время чувствует, что можно навсегда лишиться последних близких людей. Например, приходит мама (которую ты долго-долго ждал) и всё время плачет, что не получает писем и, наверное, муж погиб. Ребёнок слышит, что папа погиб — папы больше не будет. И это нервное напряжение затормаживает, замораживает в нём всё.

А мама-то заглядывала раз в неделю, а то и раз в три недели. Мамы работали на казарменном положении. Детский сад — он только по названию, по зданию, по воспитателям. А по сути — детский дом.

В блокадном Ленинграде все мамы работали без выходных дней. Легко ли маме брать ребёнка домой, если там не работал ни туалет, ни водопровод? Хватило бы ей сил дойти пешком от завода до детского сада, взять ребёнка и с ним добраться до дома?.. Причём многие дети даже 5—6 лет перестали ходить. А ещё по пути можно было попасть под артобстрел и воздушную тревогу и потому не успеть дойти домой до комендантского часа...

Потому-то дети и жили в детском саду, а мамы приходили в лучшем случае раз в неделю вечером.

Каждый ребёнок чувствовал эту утрату родителей. И папы нет — и, может быть, не придёт. И мамы нет — сегодня зашла и, может быть, больше не придёт.

Надо было чем-то детей выводить из этого крайне напряжённого состояния, из постоянного ужаса, из неуверенности в возможность чего-то хорошего.

ГЛАЗА, ПИСЬМО И КУКЛА

И понимаете, один ребёнок хоть как-то шевелится, какую-нибудь игрушку ему дашь, он хоть чуть-чуть выходит из состояния этой совершенной неподвижности. А другой...

Я никогда не забуду одну девочку четырёх лет, её звали Олей. Мамина тревога ей особенно передавалась. Оля не разговаривала совсем, вся была словно сжавшаяся в кулачок. Глазищи огромные, сама худенькая, и ей ничего не надо. А мама при редких встречах говорит, что давно нет писем от мужа, с ним что-то случилось... Похоже, девочке ещё передаётся и беспокойство: «Что-то случилось с папой...» Как тут вывести из этого состояния?

Садик наш располагался на Расстанной улице. Длинное здание: половина — дет-

ский сад, половина военная часть. Я пришла к военным и сказала: «Я написала письмо от имени папы. Очень вас прошу: придите и скажите, что вы с фронта и принесли от папы письмо». Один солдат согласился.

А из дома я принесла куклу. У меня была кукла, большая, старинная, длинные косы, фарфоровая головка. Отец рассказывал, что эту куклу ему подарила балерина, которую он выручил в другую голодную эпоху — в Гражданскую войну поделился привезённой из деревни картошкой.

И вот наш солдат принёс письмо и куклу — сказал, что от папы. Мы перед всеми прочитали это письмо. Я обращаюсь к девочке: «Олечка, это твой папа прислал тебе куклу. И сказал, чтобы ты её назвала. И мы будем писать папе письмо, и ты ему напишешь, что у тебя теперь есть кукла». И Оля спрашивает: «Папа?» И сразу называет мне эту куклу: «Маша».

Она была настолько взволнована этой куклой! Она её взяла — и, видимо, разорвалась та цепь, которую мама всё время выстраивала: «Что с папой, папа погиб, как же без него...» А тут кукла от папы, и папа сразу стал, видимо, таким, как до войны, таким, как она его помнила. Папа, наверное, был очень жизнерадостным, я так поняла.

И Оля заговорила, и мы написали письмо.

РАССЕИВАНИЕ СТРАХА

Это один ребёнок. А сколько таких блокадных детей, которые ни говорить, ни двигаться не хотели? И было видно, что к каждому необходимо найти свой ключ.

У меня была опытная сменщица, долго работавшая в детском саду и до войны. Она многое и объясняла.

Я ей жалуюсь: «Вот с Олей это получилось, а с Юрой — никак». — «А ты хочешь по одной дороге к каждому прийти? Ничего не выйдет, ищи к каждому свою тропинку. К каждому надо подойти, один на другого не похож!» — «Да как же его узнать, какой он?» — «А так вот: поговоришь, да и

узнаешь». Она меня и учила первым шагам в этом личном общении с ребёнком.

Те трудные условия на всю жизнь приучили меня задумываться над тем, почему ребёнок так себя ведёт, а не иначе — и что я должна сделать, какой к нему особый ключик искать.

Каждый по-своему переживал расставание с родителями. Но оберегать от страха надо было всех. Как-то рассеивать страх, чтобы каждый ребёнок поверил, что его бедствия кончатся хорошим, а не плохим.

Про взаимоотношения детей сначала и говорить не приходилось. Дети совсем не общались. Он сидит на месте до тех пор, пока ты его с места не стронешь. Кто-то, может, и рад бы затеять ссору — но у него нет сил.

Любой выглядел так, что не сегодня-завтра на тот свет уйдёт. Даже еда оказывалась особым риском. Если ты ребёнка вовремя не придержишь во время еды... Я ведь не могу ему прямо сказать, мол, не торопись. Он это примет как запрещение есть, будет только хуже. Надо суметь чем-то отвлечь: «А у тебя какой кусочек? А у тебя корочка чёрная или коричневая?» Вот он уже немножко и задержался.

Приходили милиционеры. Смотрели, какие куски хлеба лежат на тарелках у детей. Один спросил: «А как вы делите горбушки?» Горбушка всё-таки больше, чем обычный кусок. Я ответила как есть: мы их выдаём по очереди. И дети подтвердили, сказали, что да, по очереди.

В это время дети уже чуть-чуть приходили в себя, постепенно отогревались. Питание было хоть крохотное, но регулярное — они набирались сил.

И наши усилия начинали сказываться. Вот одна Оля сидела, сидела, ничего не говорила, крошки собирала — и вдруг получила папино письмо. И тогда кто-то ещё посматривает на Олю, где-то у него, может быть, рождается надежда. Может быть, и мне придёт письмо?

ОЗОРСТВО КАК ВЫСШЕЕ ДОСТИЖЕНИЕ

Прошёл месяц, другой — и дети ожили, стали радостные; начали двигаться, начали шуметь и начали безобразничать. Дети безобразничают! Какое счастье! Какой это был для нас праздник — детская шалость!

Ведь что означает: «безобразничают»? То есть своими действиями реагируют на мои планы и предложения не так, как я ожидаю. Так ведь? Мы к ребёнку: «Ты пойдёшь, сядь». А он вместо того, чтобы сесть — прыгает, крутится, стул переворачивает, сам куда-то забирается и прячется...

Ах, какая это для нас была победа!

Стоило ребёнку проявить какие-то действия, мы торжествовали — ага, значит, страх отошёл. Мы радостно сообщали всем: «Вы подумайте, Анечка сегодня прыгала на одной ножке!» «А Юра сегодня всё время кружился, жужжал — у него самолёт летал, наверное?!»

Так постепенно возвращалась натуральность детской жизни. Закованность — это же не детское поведение. Но ведь и происходило это всё на фоне продолжающейся блокады. То и дело ночью объявляют воздушную тревогу. Всех надо поднимать, нести на руках в бомбоубежище (мало кто мог идти сам, да ещё быстро, а если со сна...), потом нести обратно — ложиться спать дальше... Дети же чувствуют наше напряжение. Мы ведь были (особенно сперва) очень взволнованы — а вдруг кого-то забудем, потеряем... И детям, конечно, это передавалось. Потом стали уверенней в себе, спокойней. И дети начали спокойней себя вести.

ПЕРВЫЕ ШАЛОСТИ И НОВЫЙ ГОД

Потом приблизился Новый год. Уговорила военных сделать ёлку: мол, вы же соседи у нас, ну какой же Новый год без ёлки, ну приходите же. Они отнекиваются: «Да о чём вы, сегодня уйдём на передовую, а к Новому году кто из нас вернётся, кто нет...».

«Так и что же, мы без ёлки будем? А давайте всё-таки...» Рассказывала о детях, как кого зовут, как они себя ведут, о чём мечтают. Я ещё не знала, какими словами уговаривать. Но моя прилипчивость своё дело сделала. И ёлку всё-таки привезли, и праздник устроили.

После тех лет ещё долго во всех ленинградских воспитателях сохранялась привычка особого внимания к каждому ребёнку. Ведь тот, кто остался бы без личного внимания, скорее всего, не выжил бы. Но ни один ребёнок, попавший в детский сад в блокадном Ленинграде, не погиб.

2. Будни и праздники страшных и благополучных лет

ДЕТСКИЙ РИСУНОК

Военное время было очень жестоким. Но не было злости по отношению друг к другу или к кому-то. Ничего подобного той озлобленности в отношениях между людьми, которая повсеместно сквозит сейчас. Люди словно пытались противопоставить жестокости времени взаимную чуткость и стремление к поддержке в общей беде. И эти чувства передавались детям.

Даже врагом у нас считались не немцы, а «фашизм» — некое почти сказочное злодейство. Детские рисунки, конечно, были про войну. Там летали самолёты, взрывались танки — но почти не было гибнущих людей.

Сейчас перед детскими глазами ежедневно в телевизоре мелькают стреляющие, падающие, гибнущие люди. Для детей мирного времени смерть человека выглядит куда большей обыденностью, чем в годы военные. А телевизионное обезличивание жизни и смерти дополняется безразличием взрослых и по отношению друг к другу, и по отношению к детям.

ВОЙНА ЗАВЕРШАЕТСЯ

...Уже прошли голодные годы, уже блокаду сняли. Казарменное положение на заводах

ещё сохранялось, мамы ещё не могли забрать детей домой — но могли изредка их домой вечером приводить, как бы в гости.

При этом отношение родителей, что надо ребёнка кормить, насколько это возможно — осталось. И была мама, секретарь завода им. Егорова; её Юра был такой добродушный, интересный, со всеми дружил, откликался на все идеи. Но у мамы был этот страх: «Юру надо кормить» — и горячее желание при каждой домашней встрече устраивать праздник.

«Ну не устраивайте ему каждый день праздник, — убеждала я, — ведь когда он уйдёт из детского сада, то попадёт не на праздник, а в каждодневные заботы, будут неприятности». Мама обижалась, ей казалось, что я не люблю Юру.

Настал срок — наш Юра ушёл в школу. Мы расстались. А встретились с его мамой через многие годы, когда мне на заводе надо было оформить одну бумагу — и я ней и попадаю. Она восклицает: «Валентина Тарасовна! Как же я вас вспоминаю! Так ведь и получилось: Юра пришёл жить домой, ничего делать не хотел, хотел ежедневного праздника. Какие вы точные слова говорили!»

Так что нельзя, чтобы в детской жизни всё время был праздник, нужны и будни.

О ТРУДНОСТЯХ ЭПОХИ ИЗОБИЛИЯ

Дети войны были обделены, теперешние, можно сказать, слишком не обделены. Как отсутствие нужды влияет на детей? Отсутствие — затормаживает, изобилие — растормаживает. Присутствие вселяет уверенность, что это будет всегда, что так и должно быть. Ребёнок же другого не знает. Как тот ребёнок не знал, не верил в то, что может быть лучше. Этот не верит, что может быть хуже.

Многие дети вроде бы почти сразу могут добиться удовлетворения своих желаний. Но каких желаний? Материальных. А в чём они? Поесть, одеться? Это же всё желания быта, и это не вся жизнь.

А в детской жизни трудности тоже должны быть, и ребёнку надо уметь с ними справиться.

Очень важно ухватить тот момент, когда ребёнок почувствует, что не всё, что он хочет, исполняется. Но это не касается ни одежды, ни угощений. Конечно, странно искусственно создавать трудности, особенно материальные. Но есть ведь трудности настоящие, неизбежно возникающие перед людьми в любую эпоху.

Где человек неизбежно попадает в такое положение, когда не всё, что ему хочется, ему достанется? Во взаимоотношениях с другими людьми. Вот и лови эти маленькие кризисы взаимоотношений, на этом можно построить многое.

Иногда полезно поставить ребёнка в такое положение, чтобы ему было трудно выйти, чтобы он сам задумался. А в другой раз, наоборот — в такое положение, в котором было бы легко найти решение и порадоваться ему, и решить и дальше так поступать.

Наша работа и состоит в том, чтобы искать к каждому дорогу. Такое отношение к ребёнку: я должна раскрыть, что его волнует, что его интересует. И, опираясь на это надёжное понимание, помогать малышу двигаться туда, куда хорошо бы ему прийти.

3. О прекрасной непредсказуемости

Что увлекло?

42-й год стал для меня (как и для многих ленинградских педагогов) школой, учившей индивидуально подходить к каждому ребёнку.

Ведь что означает «индивидуальный подход»? Я хочу, чтобы ребёнок решил мою задачу, а он не решает. Это моё желание, мне это надо — а он мне мешает. Что делать? Ищи дорогу. Под-

ходи слева, подходи справа, отступи, потом опять наступай.

В чём красота нашей профессии? Ты неожиданно для себя находишь эту дорогу — и видишь, что ребёнок вдруг самостоятельно решает ту задачу, которую ты от него до смерти хотел добиться. Ну надо же! Получилось!

А рядом другой. Ты пытаешься подойти к нему тем же путём — а он той дорогой не идёт и задачу решать не собирается. Надо искать другие пути.

В этом счастье, в этом весь интерес педагогической работы...

ЧТО УДЕРЖАЛО В САДУ?

В войну я была убеждена, что детский сад — временный этап моей биографии. Но в 45-м уже и не получалось уходить — столько начало происходить всего интересного!

Важная научно-методическая работа, серьёзные дошкольные конференции проводились ещё в войну — а сразу после войны была особая общая увлечённость. И к тому же мне просто везло на хороших людей. Всё время находились те, кто ставил задачу, которую надо было решать — и интересно было решать.

После войны как раз началась в ленинградских садах большая работа по игре. Собрали воспитателей, актив: «Смотрите, ведь живая детская игра в садах не идёт...» И мы начали заниматься играми. Кто-то показывает, а после того, как игра проведена, — разгромный анализ: ничего не получилось.

Постепенно все начали отказываться проводить открытые игры. Только я продолжала с радостью поднимать руку на вопрос: «Ну, кто нам в следующий раз покажет игру?»

Почему ж не провести? Я же не виновата, что чего-то не умею. Зато если я ещё раз повторю, учитывая то, что мне покажут, — явно же будет лучше.

Вот провожу игру, начинается анализ: «Как же так, смотрите, дети договорились на игру, распределили роли — ну а зачем вы вмешались? Вы сбили игру, игра не получилась».

Куда ж уходит? Стало интересно.

Ту же математику я, например, терпеть не могла. Но математика-то есть. А как её дать детям? Рядом оказывается учёный, пишет конспекты, просит: «Проведите, пожалуйста, занятие». Не выходит. Почему не получилось? Разбираемся. «Давайте писать конспект вместе». И вот когда мы стали писать конспекты вместе, я стала понимать, какую предварительную работу я должна сделать, чтобы конспект пошёл.

У меня прекрасно получается занятие, автор приходит: «Как хорошо дети отвечают!» Отдаёт в другой сад — там опять провал. Впрочем, это всё уже несколько позже произошло...

4. Занятия. Несостоявшийся триумф

КАК ВОЗНИКЛА ИДЕЯ ЗАНЯТИЙ

Жизнь в детских садах резко поменялась в пятидесятых, когда стали вводиться занятия, разработанные Усовой, когда вышла книга с её конспектами, когда занятия вышли на первый план.

И первое время у нас в Ленинграде проводились очень интересные занятия.

Но у ленинградских методистов была такая прическа: «Занятия и конспекты очень хороши — но сперва посмотрите, готовы ли дети, ваши дети заниматься по этому конспекту». Усова-то надеялась, что подход к занятиям будет именно такой.

И первые годы занятия успешно пошли, потому что были те воспитатели, которые помнили подходы к детям.

Но когда занятия стали широко внедрять — время-то пришло уже другое. Дети приходили уже мирные, благополучные, с ними вроде как полегче — необходимость искать особо-

го пути к каждому уже не выглядела такой очевидной...

И пришли новые воспитатели, их уже в пед-институтах учили, ориентируясь на занятия, а не на поиски подходов к детям.

И все стали обсуждать только занятия, занятия, занятия...

...И КАК ЦЕЛИ ПЕРЕВЕРНУЛИСЬ

На этом фоне обрушилась новая беда. В пятидесятые годы было очень мало первоклассников. И в сады пришли учителя. И они занятия перевернули по-своему, они решили, что занятие — это всё равно, что урок.

И несколько десятилетий приходящие из педучилищ юные воспитательницы и не представляли, что значит «работать индивидуально». Они приобретали опыт культуры дошкольной работы только в том случае, если им повезло с коллегами.

В результате с занятиями стало уж совсем не получаться. И потом, в шестидесятые, пошла обратная волна: «Не получается? Работайте творчески. Это вы творчески не работаете — поэтому не получается. Пишите сами себе конспекты».

Так и чередовались эти две волны: «Работайте творчески!» и «Внедряйте предусмотренные занятия!»

В результате та жуткая закованность детей, та неестественность их поведения, с которой мы мучительно боролись в блокаду, словно превратилась потом в желанную дидактическую цель для воспитателя. **НО**

*Рассказ В.Т. Ивановой
записал А. Русаков*